

Всестороннее развитие Нечерноземья аккорд важной составной частью в программу социально-экономических преобразований, над осуществлением которой трудятся коммунистическая партия, весь советский народ.

Российскому Нечерноземью уделяется неслыханное внимание, на этой земле приняты три постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, где предусмотрено все для создания в ней высокоиндустриального и высокоэффективного сельского хозяйства, повышения самостоятельности колхозов в решении своих дел.

Заметки Бориса Можаяева в основном — о Клепиковском районе на Рязанской, и вполне естественно, что о состоянии его экономики не отражены все стороны жизни нашей родной страны, куда входит много областей. В каждой из них наряду со слабыми есть немало сильных хозяйств, которые при весьма скромных почвенных, климатических возможностях производят хороший урожай зерна, добиваются высокой продуктивности скота.

Однако отрицательные явления, о которых пишет Борис Можаяев, во многом влияют на то, что больше средства, направляемые государством на развитие сельского хозяйства Нечерноземья, используются недостаточно эффективно. И чем скорее они уйдут в прошлое, тем быстрее будут осуществляться намеченные страной планы.

Вот и сейчас, когда мы планируем план, и тут же планируем завод нам двадцать тысяч тонн фуража. Так фуражное зерно-то лучше нашего! Зачем же от нас уводит его? Зачем таскать его туда-сюда? Только транспорт, загружать.

— Ну, от нас же не зависит, — развел руками Полянский.

— А все-таки кто же может отменить эти нелепости? Ну хотя бы вот эту, с картошкой? И они отвечают не колеблясь.

— Не знаем. По крайней мере в области сделать это единым росчерком пера, то есть изменить план посевных площадей в связи с плохой погодой, никто не может.

— Удивительно!

— И удивляться нечему. Нам уже расписано: что и сколько должны мы посеять на каждый год одиннадцатой пятилетки. Ну? Все всегда спланировано. Ну? И рассуждать, следовательно, не о чем.

— Не то смеются, не то всерьез говорят...

— Расчет здесь простой, —

косить пора, а на полях все еще картошку сажали.

Высказывали ее, бедную, из мешков навалом в придорожные кучи, шлепая да сморщивая или черная, оплывшая, а то и оплетенная длинными лопками ростками, она издала смехливая на конский навоз, произвонный белыми червями.

Елозя на коленах, перепачканные этой слякотью, бабы перебирали картошку и ругали помер зря свое начальство.

— Это ж надо! Косы точить пора, а они гонят нас на картошку. Осень подойдет — что здесь вырастет?

— У них зарплата. Осень подойдет — свое получают.

— Небось и ваша зарплата не усохнет, — говорю.

Смеются:

— И то правда!

— По-хорошему здесь бы клевера гектары посеять или вику с овсом. А мы картошку в грязь кидаем.

— Да, сказано: сей овес в грязь — будешь князь.

— А яблоня зацветет — сажай картошку.

— Сажают картошку, а на полях все еще картошку сажали.

Высказывали ее, бедную, из мешков навалом в придорожные кучи, шлепая да сморщивая или черная, оплывшая, а то и оплетенная длинными лопками ростками, она издала смехливая на конский навоз, произвонный белыми червями.

Елозя на коленах, перепачканные этой слякотью, бабы перебирали картошку и ругали помер зря свое начальство.

— Это ж надо! Косы точить пора, а они гонят нас на картошку. Осень подойдет — что здесь вырастет?

— У них зарплата. Осень подойдет — свое получают.

— Небось и ваша зарплата не усохнет, — говорю.

Смеются:

— И то правда!

— По-хорошему здесь бы клевера гектары посеять или вику с овсом. А мы картошку в грязь кидаем.

— Да, сказано: сей овес в грязь — будешь князь.

— А яблоня зацветет — сажай картошку.

— Сажают картошку, а на полях все еще картошку сажали.

Высказывали ее, бедную, из мешков навалом в придорожные кучи, шлепая да сморщивая или черная, оплывшая, а то и оплетенная длинными лопками ростками, она издала смехливая на конский навоз, произвонный белыми червями.

Елозя на коленах, перепачканные этой слякотью, бабы перебирали картошку и ругали помер зря свое начальство.

— Это ж надо! Косы точить пора, а они гонят нас на картошку. Осень подойдет — что здесь вырастет?

— У них зарплата. Осень подойдет — свое получают.

— Небось и ваша зарплата не усохнет, — говорю.

Смеются:

— И то правда!

— По-хорошему здесь бы клевера гектары посеять или вику с овсом. А мы картошку в грязь кидаем.

— Да, сказано: сей овес в грязь — будешь князь.

— А яблоня зацветет — сажай картошку.

— Сажают картошку, а на полях все еще картошку сажали.

Высказывали ее, бедную, из мешков навалом в придорожные кучи, шлепая да сморщивая или черная, оплывшая, а то и оплетенная длинными лопками ростками, она издала смехливая на конский навоз, произвонный белыми червями.

Елозя на коленах, перепачканные этой слякотью, бабы перебирали картошку и ругали помер зря свое начальство.

— Это ж надо! Косы точить пора, а они гонят нас на картошку. Осень подойдет — что здесь вырастет?

— У них зарплата. Осень подойдет — свое получают.

— Небось и ваша зарплата не усохнет, — говорю.

Смеются:

— И то правда!

— По-хорошему здесь бы клевера гектары посеять или вику с овсом. А мы картошку в грязь кидаем.

— Да, сказано: сей овес в грязь — будешь князь.

— А яблоня зацветет — сажай картошку.

— Сажают картошку, а на полях все еще картошку сажали.

Высказывали ее, бедную, из мешков навалом в придорожные кучи, шлепая да сморщивая или черная, оплывшая, а то и оплетенная длинными лопками ростками, она издала смехливая на конский навоз, произвонный белыми червями.

Елозя на коленах, перепачканные этой слякотью, бабы перебирали картошку и ругали помер зря свое начальство.

— Это ж надо! Косы точить пора, а они гонят нас на картошку. Осень подойдет — что здесь вырастет?

— У них зарплата. Осень подойдет — свое получают.

— Небось и ваша зарплата не усохнет, — говорю.

Смеются:

— И то правда!

— По-хорошему здесь бы клевера гектары посеять или вику с овсом. А мы картошку в грязь кидаем.

— Да, сказано: сей овес в грязь — будешь князь.

— А яблоня зацветет — сажай картошку.

— Сажают картошку, а на полях все еще картошку сажали.

Высказывали ее, бедную, из мешков навалом в придорожные кучи, шлепая да сморщивая или черная, оплывшая, а то и оплетенная длинными лопками ростками, она издала смехливая на конский навоз, произвонный белыми червями.

Елозя на коленах, перепачканные этой слякотью, бабы перебирали картошку и ругали помер зря свое начальство.

— Это ж надо! Косы точить пора, а они гонят нас на картошку. Осень подойдет — что здесь вырастет?

— У них зарплата. Осень подойдет — свое получают.

— Небось и ваша зарплата не усохнет, — говорю.

Смеются:

— И то правда!

— По-хорошему здесь бы клевера гектары посеять или вику с овсом. А мы картошку в грязь кидаем.

— Да, сказано: сей овес в грязь — будешь князь.

— А яблоня зацветет — сажай картошку.

— Сажают картошку, а на полях все еще картошку сажали.

Высказывали ее, бедную, из мешков навалом в придорожные кучи, шлепая да сморщивая или черная, оплывшая, а то и оплетенная длинными лопками ростками, она издала смехливая на конский навоз, произвонный белыми червями.

Елозя на коленах, перепачканные этой слякотью, бабы перебирали картошку и ругали помер зря свое начальство.

— Это ж надо! Косы точить пора, а они гонят нас на картошку. Осень подойдет — что здесь вырастет?

— У них зарплата. Осень подойдет — свое получают.

— Небось и ваша зарплата не усохнет, — говорю.

Смеются:

— И то правда!

— По-хорошему здесь бы клевера гектары посеять или вику с овсом. А мы картошку в грязь кидаем.

— Да, сказано: сей овес в грязь — будешь князь.

— А яблоня зацветет — сажай картошку.

— Сажают картошку, а на полях все еще картошку сажали.

Высказывали ее, бедную, из мешков навалом в придорожные кучи, шлепая да сморщивая или черная, оплывшая, а то и оплетенная длинными лопками ростками, она издала смехливая на конский навоз, произвонный белыми червями.

Елозя на коленах, перепачканные этой слякотью, бабы перебирали картошку и ругали помер зря свое начальство.

Это не всегда точно сориентированные планы хозяйства и их исполнения, в частности мелкоротавые не изжитая практика мелочной опеки со стороны высших органов власти, а также доверия, доверия и специалистов сельского хозяйства, повышения самостоятельности колхозов в решении своих дел.

Заметки Бориса Можаяева в основном — о Клепиковском районе на Рязанской, и вполне естественно, что о состоянии его экономики не отражены все стороны жизни нашей родной страны, куда входит много областей. В каждой из них наряду со слабыми есть немало сильных хозяйств, которые при весьма скромных почвенных, климатических возможностях производят хороший урожай зерна, добиваются высокой продуктивности скота.

Однако отрицательные явления, о которых пишет Борис Можаяев, во многом влияют на то, что больше средства, направляемые государством на развитие сельского хозяйства Нечерноземья, используются недостаточно эффективно. И чем скорее они уйдут в прошлое, тем быстрее будут осуществляться намеченные страной планы.

Вот и сейчас, когда мы планируем план, и тут же планируем завод нам двадцать тысяч тонн фуража. Так фуражное зерно-то лучше нашего! Зачем же от нас уводит его? Зачем таскать его туда-сюда? Только транспорт, загружать.

— Ну, от нас же не зависит, — развел руками Полянский.

— А все-таки кто же может отменить эти нелепости? Ну хотя бы вот эту, с картошкой? И они отвечают не колеблясь.

— Не знаем. По крайней мере в области сделать это единым росчерком пера, то есть изменить план посевных площадей в связи с плохой погодой, никто не может.

— Удивительно!

— И удивляться нечему. Нам уже расписано: что и сколько должны мы посеять на каждый год одиннадцатой пятилетки. Ну? Все всегда спланировано. Ну? И рассуждать, следовательно, не о чем.

— Не то смеются, не то всерьез говорят...

— Расчет здесь простой, —

косить пора, а на полях все еще картошку сажали.

Высказывали ее, бедную, из мешков навалом в придорожные кучи, шлепая да сморщивая или черная, оплывшая, а то и оплетенная длинными лопками ростками, она издала смехливая на конский навоз, произвонный белыми червями.

Елозя на коленах, перепачканные этой слякотью, бабы перебирали картошку и ругали помер зря свое начальство.

— Это ж надо! Косы точить пора, а они гонят нас на картошку. Осень подойдет — что здесь вырастет?

— У них зарплата. Осень подойдет — свое получают.

— Небось и ваша зарплата не усохнет, — говорю.

Смеются:

— И то правда!

— По-хорошему здесь бы клевера гектары посеять или вику с овсом. А мы картошку в грязь кидаем.

— Да, сказано: сей овес в грязь — будешь князь.

— А яблоня зацветет — сажай картошку.

— Сажают картошку, а на полях все еще картошку сажали.

Высказывали ее, бедную, из мешков навалом в придорожные кучи, шлепая да сморщивая или черная, оплывшая, а то и оплетенная длинными лопками ростками, она издала смехливая на конский навоз, произвонный белыми червями.

Елозя на коленах, перепачканные этой слякотью, бабы перебирали картошку и ругали помер зря свое начальство.

— Это ж надо! Косы точить пора, а они гонят нас на картошку. Осень подойдет — что здесь вырастет?

— У них зарплата. Осень подойдет — свое получают.

— Небось и ваша зарплата не усохнет, — говорю.

Смеются:

— И то правда!

— По-хорошему здесь бы клевера гектары посеять или вику с овсом. А мы картошку в грязь кидаем.

— Да, сказано: сей овес в грязь — будешь князь.

— А яблоня зацветет — сажай картошку.

— Сажают картошку, а на полях все еще картошку сажали.

Высказывали ее, бедную, из мешков навалом в придорожные кучи, шлепая да сморщивая или черная, оплывшая, а то и оплетенная длинными лопками ростками, она издала смехливая на конский навоз, произвонный белыми червями.

Елозя на коленах, перепачканные этой слякотью, бабы перебирали картошку и ругали помер зря свое начальство.

— Это ж надо! Косы точить пора, а они гонят нас на картошку. Осень подойдет — что здесь вырастет?

— У них зарплата. Осень подойдет — свое получают.

— Небось и ваша зарплата не усохнет, — говорю.

Смеются:

— И то правда!

— По-хорошему здесь бы клевера гектары посеять или вику с овсом. А мы картошку в грязь кидаем.

— Да, сказано: сей овес в грязь — будешь князь.

— А яблоня зацветет — сажай картошку.

— Сажают картошку, а на полях все еще картошку сажали.

Высказывали ее, бедную, из мешков навалом в придорожные кучи, шлепая да сморщивая или черная, оплывшая, а то и оплетенная длинными лопками ростками, она издала смехливая на конский навоз, произвонный белыми червями.

Елозя на коленах, перепачканные этой слякотью, бабы перебирали картошку и ругали помер зря свое начальство.

— Это ж надо! Косы точить пора, а они гонят нас на картошку. Осень подойдет — что здесь вырастет?

— У них зарплата. Осень подойдет — свое получают.

— Небось и ваша зарплата не усохнет, — говорю.

Смеются:

— И то правда!

— По-хорошему здесь бы клевера гектары посеять или вику с овсом. А мы картошку в грязь кидаем.

— Да, сказано: сей овес в грязь — будешь князь.

— А яблоня зацветет — сажай картошку.

— Сажают картошку, а на полях все еще картошку сажали.

Высказывали ее, бедную, из мешков навалом в придорожные кучи, шлепая да сморщивая или черная, оплывшая, а то и оплетенная длинными лопками ростками, она издала смехливая на конский навоз, произвонный белыми червями.

Елозя на коленах, перепачканные этой слякотью, бабы перебирали картошку и ругали помер зря свое начальство.

— Это ж надо! Косы точить пора, а они гонят нас на картошку. Осень подойдет — что здесь вырастет?

— У них зарплата. Осень подойдет — свое получают.

— Небось и ваша зарплата не усохнет, — говорю.

Смеются:

— И то правда!

— По-хорошему здесь бы клевера гектары посеять или вику с овсом. А мы картошку в грязь кидаем.

— Да, сказано: сей овес в грязь — будешь князь.

— А яблоня зацветет — сажай картошку.

— Сажают картошку, а на полях все еще картошку сажали.

Высказывали ее, бедную, из мешков навалом в придорожные кучи, шлепая да сморщивая или черная, оплывшая, а то и оплетенная длинными лопками ростками, она издала смехливая на конский навоз, произвонный белыми червями.

Елозя на коленах, перепачканные этой слякотью, бабы перебирали картошку и ругали помер зря свое начальство.

— Это ж надо! Косы точить пора, а они гонят нас на картошку. Осень подойдет — что здесь вырастет?

— У них зарплата. Осень подойдет — свое получают.

— Небось и ваша зарплата не усохнет, — говорю.

Смеются:

— И то правда!

— По-хорошему здесь бы клевера гектары посеять или вику с овсом. А мы картошку в грязь кидаем.

— Да, сказано: сей овес в грязь — будешь князь.

— А яблоня зацветет — сажай картошку.

— Сажают картошку, а на полях все еще картошку сажали.

Высказывали ее, бедную, из мешков навалом в придорожные кучи, шлепая да сморщивая или черная, оплывшая, а то и оплетенная длинными лопками ростками, она издала смехливая на конский навоз, произвонный белыми червями.

Елозя на коленах, перепачканные этой слякотью, бабы перебирали картошку и ругали помер зря свое начальство.

— Это ж надо! Косы точить пора, а они гонят нас на картошку. Осень подойдет — что здесь вырастет?

— У них зарплата. Осень подойдет — свое получают.

— Небось и ваша зарплата не усохнет, — говорю.

Смеются:

— И то правда!

— По-хорошему здесь бы клевера гектары посеять или вику с овсом. А мы картошку в грязь кидаем.

— Да, сказано: сей овес в грязь — будешь князь.

— А яблоня зацветет — сажай картошку.

— Сажают картошку, а на полях все еще картошку сажали.

Высказывали ее, бедную, из мешков навалом в придорожные кучи, шлепая да сморщивая или черная, оплывшая, а то и оплетенная длинными лопками ростками, она издала смехливая на конский навоз, произвонный белыми червями.

Елозя на коленах, перепачканные этой слякотью, бабы перебирали картошку и ругали помер зря свое начальство.

Но нет! Чуть только появится свежий человек да потратит им чуточку в разговоре, как тотчас оживают их надежды, светлеют лица — и пошли прикидывать да считать свои возможности да вариации.

Всего и делов: дайте нам больше самостоятельности — мы же выросли на этой земле, нужды мысли с ней, умаразума набралось от нее... Совет, рекомендации — пожалуйста! Но не циркуляры, не приказы. Дайте самим нам делать свое дело.

Ведь были же неоднократно приняты решения партии и правительства о том, какими путями должны идти наши колхозы и совхозы. И не дело навязывать им мелочную опеку, лишать их инициативы, в конечном итоге толкать сельских тружеников к равнодушию и формализму.

Вспомним, что говорил в Отчетном докладе XXVI съезду партии Л. И. Брежнев: «Успех всех планов, всех программ зависит от отношения к делу, от добросовестной работы сельских тружеников, а значит, и от системы морального и материального стимулирования».

ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли недавно развернутое постановление по этому вопросу. В нем осуждается практика необоснованного вмешательства в хозяйственную деятельность колхозов и совхозов со стороны некоторых партийных и советских работников.

Сказано ясно, определенно. Давно уж очевидно для всех: главное — конечный результат — урожай, налив, привесы. Почти три тысячи голов пускаем мы в зиму крупного рогатого скота, — говорит Ивашкина. — Это на тысячу-то коров! Разве мыслится такое? По семсот голов на передержке! До трехсот килограммов доводим бычков за счет молочного стада. Да и то сдать не можем. Триста голов смогли бы сдать прошлой осенью. И бычки хороши! По пятнадцать, а то и по восемнадцать пудов каждый. Ведь это же 80 тонн отличного мяса! Так не взыли. Пускайте в зиму! Пустили. Ну и что? Они own отесдали, по 30 килограммов каждый. Да еще коров олодили.

— Плановиков тоже понять можно, — говорю, — мясо нужно не только сегодня, но и завтра понадобится. Да и принять сразу весь скот невозможно: никаких холодильников не хватит.